

RESEARCH

НЕКОТОРЫЕ РЕЛИКТЫ АКТИВНОГО СТРОЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ. ЧАСТЬ 1

Е.В.Зарецкий

Франкфурт-на-Майне, ФРГ

Summary: Some possible relics of the active(-stative) typology in the Indo-European languages, modern and ancient, are discussed. Indo-European languages are compared with the active Native American languages.

В статье будут рассмотрены некоторые особенности индоевропейских языков, не вписывающиеся в рамки номинативного строя. Особое внимание будет уделено соответствующим характеристикам русского языка. Нельзя исключить возможность, что в отдельных случаях речь может идти о случайных совпадениях с фреквенталиями деноминативного (эргативного или активного) строя. Систематичность и распространённость таких отклонений позволяет, однако, с высокой степенью вероятности предположить, что лексика и грамматика праязыка были основаны на иных принципах, чем лексика и грамматика его современных потомков.

Поскольку некоторые характеристики различных типов деноминативности совпадают (особенно это касается безличных конструкций и лабильных глаголов), уже пятый десяток лет не прекращаются дискуссии о принадлежности индоевропейского праязыка к эргативному или активному строю. Разница между ними заключается в следующем:

- Активный строй: субъекты при глаголах активного действия стоят в активном падеже: *Я читаю книгу, Я иду* (глаголы не делятся на переходные и непереходные), субъекты при стативных глаголах (*Я сплю*) и объекты при глаголах активного действия (*Его ранило*) стоят в пассивном падеже.
- Эргативный строй: субъекты при переходных глаголах стоят в эргативе (*Я читаю книгу*), субъекты при непереходных глаголах (*Я сплю*) и объекты при переходных глаголах (*Его ранило*) стоят в абсолютиве.
- Номинативный строй: субъекты при переходных и непереходных глаголах (*Я читаю книгу, Я сплю*) стоят в номинативе, объекты при переходных глаголах (*Его убило*) стоят в аккузативе.

Всего насчитывается примерно сто известных языков активного типа [Navas 2008: 23]: все языки ирокезской семьи, семей каддо и сиу [Mithun

2008: 298], языки читимача, керес, юки, чимарики, некоторые помоанские языки [Mithun 1999: 213], языки хайда, гуарани, чикасо, туника; есть черты активного строя в грузинском [Nichols 2008: 130] и некоторых диалектах баскского языка, обычно причисляемого к эргативным [Aldai 2008]. С. Вихман причисляет к активным языки таба (австронезийский), амуеша, апурина и ашенинка (майпуранские/ майпурские), чочо и амузго (отомангские), кетский (енисейский, только реликты) и аравак (аравакский) [Wichmann 2007]. Определёнными чертами активного строя обладают индонезийские языки камбера, кеданг, клон, абуи, танглапуи, лэрик, селару и добель [Klamer 2008: 227], а также являющиеся смесью активного и номинативного типов языки мускогейской/ маскогской семьи, напр. коасати [Mithun 1999: 236]. Индейский язык натчез, генетические связи которого неизвестны, считается смесью эргативного и активного строя [Mithun 1999: 241-243]. Из 172 языков, проверенных Дж. Николс, 65% обладали номинативными или нейтральными системами, 19% – эргативными, 14% – активными (включая агентивные, которые она выделяет в отдельную группу).

Как известно, современные индоевропейские языки обладают номинативным строем, но в некоторых консервативных языках (русском, украинском, исландском), а также в большинстве древних языков (хеттском, латыни, древнегреческом) отклонения от стандартных характеристик номинативности столь велики, что считать их случайностью или результатом действия субстрата не представляется возможным (хотя полностью отрицать влияние субстрата или суперстрата было бы также неверно). Наблюдается определённая корреляция между степенью анализированности индоевропейских языков и сохранностью реликтов деноминативного строя. В большинстве анализированных языков найти такие реликты практически невозможно, хотя на более ранних стадиях развития, т.е. при большей синтетичности, их можно было обнаружить в избытке. Данная закономерность не распространяется на языки других семей, поскольку вообще языки активного строя (а мы исходим здесь из того, что ранний индоевропейский и/или его предок был языком именно активного строя) склонны скорее к анализу, чем к синтезу. Склонность к анализу в языках активного строя обусловлена самой логикой соответствующей грамматической структуры, подразумевающей необходимость наличия всего двух падежей: активного и пассивного (например, в языке дакота есть только субъектный и объектный падежи [Riggs 1893: 43]). Со временем система падежей, однако, может усложняться, что мы и наблюдаем в позднем индоевропейском. Причина развития флексий заключается в доминировании порядка слов SOV (субъект > объект > глагол), при котором вспомогательные части речи (частицы, послелого) стоят после знаменательных и постепенно сливаются с ними, превращаясь во флексии.

Переход к синтезу дополнительно усложняет поиски остатков активности, поскольку не всегда можно разграничить типичные характеристики синтеза, встречающиеся и при номинативном строе, и фреквенталии активных языков. Например, многие активные языки склонны выделять члены предложения перестановкой слов, что также наблюдается и в боль-

шинстве синтетических языков. Соответственно, если русский чаще использует порядок слов, свойственный активному строю (субъект > объект > глагол), по сравнению с английским, это ещё не значит, что речь в данном случае идёт о реликтах активности.

Именно с противопоставления аналитических и синтетических языков мы и начнём рассмотрение возможных реликтов деноминативности в современных и архаичных индоевропейских языках. Мы исходим из того, что языки с большей склонностью к синтезу одновременно и более архаичны, поскольку синтетичным был и поздний праязык, а потому именно в синтетических языках могли лучше сохраниться реликты активного строя. Следует подчеркнуть, однако, что и в синтетических языках речь может идти только о разрозненных реликтах, а не о функционирующей системе, построенной по принципам активных языков. Если при переходе от первичного анализа к синтезу некоторые характеристики активного строя частично сохранились или получили новое оформление, то при переходе обратно от синтеза к анализу и эти последние реликты были практически полностью утеряны.

Следующая таблица должна дать некоторое представление о росте степени аналитичности в индоевропейских языках. Индекс синтеза вычисляется по соотношению количества морфем на определённое число слов. Чем ниже показатель, тем более склонен данный язык к анализу. Одновременно мы хотим обратить внимание на корреляцию между активностью аффиксации и степенью синтетичности (чем меньше синтеза, тем меньше и аффиксации; в данном случае под аффиксацией подразумевается не добавление флексий, а только префиксация и суффиксация). Для сравнения приводятся данные по композитам, частотность которых в зависимости от языкового строя не изменяется.

Таб. 1. Индекс синтеза по Дж.Гринбергу [Greenberg et al. 1968: 124].					
	Индекс синтеза	Префиксов на слово	Суффиксов на слово	Корней на слово	Флексий на слово
ведич. санскрит	2,56	0,19	1,24	1,10	0,97
бенгальский	1,90	0,01	0,80	1,09	0,53
древнеперсидский	2,41	0,19	1,20	1,02	0,98
новоперсидский	1,52	0,01	0,49	1,03	0,39
хеттский	1,95	0,01	0,94	1,00	0,71
греч. (VIII в. до н.э.)	2,07	0,06	1,00	1,01	0,85
греч. (I в. н. э.)	2,45	0,18	1,24	1,03	0,14
новогреческий	1,82	0,03	0,77	1,02	0,68
готский (IV в.)	2,31	0,09	1,19	1,03	0,98
древнеанглийский	2,12	0,06	1,03	1,00	0,90
соврем. англ.	1,68	0,04	0,64	1,00	0,53
древнецерковнослав.	2,29	0,12	1,17	1,00	0,95

Авторы, приводящие данную статистику, делают из неё следующие выводы:

а) у древних индоевропейских языков склонность к синтезу выражена действительно в большей мере, чем у современных (исключением является хеттский: либо он подвергся радикальному языковому смещению вплоть до креолизации, либо он отделился от индоевропейского праязыка ещё до развития черт синтетичности),

б) развитие греческого от анализа к синтезу и затем снова к анализу свидетельствует, очевидно, о том, что ранний индоевропейский был аналитическим языком, синтез развился уже ближе к его распаду или в период распада, а затем снова стал сменяться анализом,

в) в германских и индоиранских языках максимум синтеза мог быть достигнут ещё до первых записей,

г) активность использования суффиксов и приставок напрямую связана со степенью синтеза [Greenberg et al. 1968: 125-131].

Если выводы авторов о первоначальной аналитичности индоевропейского праязыка верны, это подтверждает наше предположение о его активном строе, поскольку, как уже было сказано выше, в активных языках присутствует только два падежа: активный/ агентивный/ *casus energeticus* и пассивный/ стативный/ *casus inertiae* [ср. Lehmann 1993: 153-155, 214-215, 223-224].

У.Леман предполагает для раннего индоевропейского праязыка существование трёх падежей, ставших со временем современными номинативом, аккузативом и генитивом, причём генитив он называет адъективным падежом [Lehmann 1993: 154]. В дальнейшем, по его мнению, индоевропейские падежи развились, как это обычно бывает в активных языках, из послелогов (для языков с порядком слов SOV характерны послелогои [Greenberg et al. 1968: 77]) и прочих вспомогательных частей речи, постепенно сливавшихся с существительными. Первичные падежи постепенно разграничились сообразно своим функциям. Например, изучение древнейших индоевропейских языков позволяет проследить общие корни форм датива, инструменталю и локатива [Quiles 2007: 120].

Флексии (как и аффиксы) служат своеобразной опорой тем грамматическим категориям, которые постепенно теряют свою мотивацию. В языках, где эти опоры сохранились лучше, обычно можно найти и явные реликты активного строя. Там же, где опоры были разрушены в процессе аналитизации, переход к номинативному строю выражен более ярко.

Как известно, многие авторы, особенно XIX – начала XX века, связывали определённый языковой строй со степенью цивилизационного развития. Ф.Бопп признавал, например, изолирующие языки первичными, а флективные – более развитыми [Andréasson 2001: 219]. О.Есперсен, напротив, считал разрушение флексий и переход к аналитическому строю признаком языкового и культурного прогресса.

На наш взгляд, переход от анализа к синтезу или от синтеза к анализу не подразумевает никаких цивилизационных сдвигов или возникновения каких-то новых, прогрессивных категорий мышления. Речь идёт о развитии новых языковых средств в ситуации, когда старые средства становятся

неэффективными.¹ Например, У.Леман отмечает, что в славянских, германских и балтийских языках слабое склонение прилагательных использовалось для маркировки определённости, но в процессе аналитизации ту же функцию в германских языках взяли на себя определённые артикли [Lehmann 1993: 205]. В первом случае для выражения определённости/неопределённости использовалось синтетическое средство (наряду с более свободным порядком слов и т.д.), во втором – аналитическое. М.Ремнева описывает среди особенностей употребления так называемых местоименных прилагательных в старославянском функционирование по принципу определённости/неопределённости: слившиеся с именами указательные местоимения придавали именам оттенок определённости, ср. ДОБРА ЖЕНА (речь идёт о неизвестной женщине) vs. ДОБРАТА ЖЕНА (речь идёт об известной женщине, здесь к тому же имени добавлено местоимение *та*) [Ремнева 2004: 198-199]. Аналогичные разграничения присутствуют и в других славянских языках, что позволяет отнести их к праславянской эпохе. Таким образом, отсутствие артиклей не свидетельствует о несклонности носителей того или иного языка маркировать категорию определённости/неопределённости и, соответственно, о примитивности этого языка, а присутствие артиклей не может являться аргументом в пользу большей развитости использующего артикли народа и/или прогрессивности языка. С другой стороны, возникновение артиклей вместо синтетических средств – это не признак деградации, а перестройка системы под давлением каких-то языковых или внеязыковых факторов (например, фонетической эрозии) в равноценную по степени выразительности систему.

Едва ли как-то связан с цивилизационным развитием и процессом номинативизации. Как известно, многие авторы, особенно в начале XX-го века, видели в основных характеристиках активного строя (носившего тогда иные названия) отражение категорий примитивного мышления. В частности, активный падеж им представлялся «первичным инструментальным» (когда человеком управляет мистическая сила) в противовес «вторичному инструментальному» (когда человек пользуется обычным орудием) [Sapir 1990: 70]. Подобное объяснение подразумевает, что под активным строем скрываются максимы номинативного, и если бы носители активных языков не верили в потусторонние силы, они бы ставили подлежащее в обычном именительном падеже. Такое объяснение в корне неверно, поскольку в активных языках все подлежащие при глаголах действия стоят в активном падеже (включая обозначения потусторонних сил). Кроме того, если номинативизация действительно связана с эволюционным развитием,

¹ Ср. «...of course, our information covers a very small fraction of the history of the species, and within that fraction is monstrously uneven. There is little in it to prove that earlier ideas of “progress in language” (to quote a famous phrase [сказано Отто Эсперсеном относительно перехода от синтетического строя к аналитическому – Е.З.] are more than ethnocentric circularities, matters of fact mistaken for matters of course. <...> The trend from so-called synthetic to so called analytic structure may be observable in certain areas, but so is the opposite trend, sometimes even in the same language family or area» [Greenberg et al. 1968: 44].

трудно объяснить, почему некоторые номинативные языки развиваются в сторону активных [ср. Wichmann 2008]. Деноминативизация идёт обычно по схеме «‘Это делает меня’ (номинативный субъект + переходный глагол + аккумулятивный объект) > ‘(Это) делает меня’ (номинативный субъект всё чаще опускается) > ‘Делает меня’ (глагол действия + пациентивный субъект)», т.е. путём превращения аккумулятора в падеж пациентивного субъекта при одновременной потере номинативного субъекта. Особенно подвержены такой трансформации номинативные языки, в которых нет морфологически выраженного разграничения переходных и непереходных глаголов, субъектных местоимений третьего лица и развитой системы падежей (которая могла бы дополнительно маркировать субъектно-объектные отношения), а глагол стоит в конце предложения, благодаря чему дополнение оказывается перед ним, подобно подлежащему [Mithun 2008: 308-309, 312, 328-329]. Возможно, именно так возник активный строй в юки и помоанских языках, каруке и чимарико, атакапе и читимаче. Изжитыми можно также считать представления о пассивной сущности стандартной (немаркированной) конструкции предложения в активных языках (о ней писал, в частности, Э.Сапир [Sapir 1990: 71]).

Как известно, в индоевропейском праязыке и большинстве его древних потомков доминировал порядок слов SOV – типичный порядок слов активных языков [Lehmann 2007]. Со временем, однако, многие языки перешли к SVO (субъект > глагол > объект) – типичному порядку слов номинативных языков. Одновременно во всех индоевропейских языках можно было наблюдать и процесс аналитизации, т.е. перехода от синтеза к анализу. Для аналитических номинативных языков также характерен SVO. Как отмечал У.Леман, переход к SVO может быть связан с процессами языкового контакта, поскольку SVO характерен для языков, подвергавшихся сильному смешению. Так, в древнейшей рунической надписи пятого века *Ek hlewagastiz holtijaz horna tawido* ‘Я, Хлевагаст Хольтий, рог сделал’ глагол стоит на последнем месте после подлежащего и дополнения. В современном немецком доминирует, однако, SVO, что Леман связывает с переходом других народов (племён) на немецкий. Если в классическом арабском доминировал порядок слов VSO, то в современном арабском доминирует SVO – также, по мнению Лемана, из-за распространения этого языка среди многих народов. В переходе латыни от SOV к SVO Леман усматривает влияние двуязычия в Римской империи (например, на латынь масово переходили этруски).

Обычно связывают с ситуациями двуязычия или многоязычия и переход к аналитическому строю. В этом отношении примечательно, что пиджины и креольские языки практически без исключения аналитичны и склонны к SVO. Соответственно, можно предположить, что индоевропейские языки с порядком слов SVO и значительной степенью лексического смешения, свидетельствующей об активных контактах с другими народами, дальше отошли от первоначального активного строя и продвинулись к номинативному. Различные степени языкового смешения будут продемонстрированы здесь на примере «Послания к римлянам» – одной из книг Нового завета. «Послание к римлянам» было выбрано нами по той причи-

не, что некоторые подсчёты по данному источнику уже проведены профессором университета Эрланген-Нюрнберг Ангеликой Лутц [Lutz 2002]. Она проверяла степень языкового смешения на примере переводов Библии на английский и немецкий XVI века. Мы добавили к её материалам подсчёты по переводам на современный английский, немецкий и русский (все три сделаны во второй половине XX века). А.Лутц проводила свои подсчёты по следующим изданиям Библии: Уильям Тиндейл (1534) – английский, Мартин Лютер (1545) – немецкий. Тиндейл и Лютер взяли за основу латинские Библии (перевод Эразма Роттердамского и Вульгату), потому Лутц ограничилась поиском латинизмов. Современные переводы выполнены одной организацией – International Bible Society, русская и английская версии входят в серию New International Version. Немецкая версия из той же серии оказалась столь далёкой от оригинала, что пришлось отказаться от её проверки. Вместо неё была использована другая версия перевода – Neue Genfer Übersetzung (1990), – также написанная разговорным стилем, но более близкая к другим проверяемым версиям.

Таб. 2. Латинизмы в «Послании к римлянам».					
«С» (в колонке «Рус.») = заимствование из старославянского. Комментарии типа «Латинское и английское слово имеют общую этимологию» взяты из работы А.Лутц и не относятся к подсчётам по русскому, современному английскому и современному немецкому. Перед латинскими эквивалентами указаны соответствующие стихи Библии. IBS = International Bible Society. NGÜ = Neue Genfer Übersetzung.					
Латынь	Англ. (Тиндейл)	Нем. (Лютер)	Рус. (IBS)	Нем. (NGÜ)	Англ. (IBS)
Латинское и английское слово имеют общую этимологию					
1:2 promiserat	promised	verheißen	обещана	angekündigt	promised
1:9 spiritu	spirit	Geist	духом	Leben	heart
1:12 consolari/ consolationem	consolation	getröstet	ободрить	ermutigt	encouraged
1:14 debitor	debtor	Schuldner	должник	verpflichtet	bound
1:17 justus	the just	der Gerechte	праведный	der Gerechte	the righteous
1:19 manifestum	manifest	offenbar	поняты	sichtbar	plain
1:20 invisibilia	invisible	unsichtbares	невидимые	unsichtbaren	invisible
1:20 creatura/ creatione	creation	schepffung	создания С	Erschaffung	creation
1:23 gloriam	glory	Herrlichkeit	славу	Herrlichkeit	glory
2:1 inexcusabilis	inexcusable	nicht entschuldigen	нет извинения	nicht entschuldigt	no excuse
2:15 accusantibus	accusing	verklagen	обвиняющие	Anklagen	accusing
2:25 circumcisio	circumcision	Beschneitung	обрезании	Beschneidung	circumcision
Латинское и английское слово имеют общую этимологию, но само слово заимствовано в английский язык из французского					
1:1 servus	servant	Knecht	паб	Diener	servant

Некоторые реликты активного строя...

1:5 obediendum/ obediatur	obedience	Gehorsam	покорности	annehmen	obedience
1:7 sanctis	saints	Heiligen	святыми	heiligen Volk	saints
1:7 pax	peace	Friede	мир	Frieden	peace
1:17 fidem	faith	glauben	веру	Glauben	faith
2:27 litteram	letter	Buchstaben	Писания	Text	written code
1:13 proposui/ proposueram	purposed	fürgesetzt	собирался	vorgenom- men	planned
2:7 honorem	honour	Ehre	чести	Ehre	honour
2:11/2:12 peri- bunt	perish	verloren	погибнет	verloren	perish
3:7 veritas	verity	Warheit	истину С	wahr	truthful- ness
3:26 justificans	justifier	gerecht mache	оправды- вает	für gerecht erklärt	justifies
Английское слово не связано этимологиче- ски с латинским, но и не германское					
1:22 stulti	fools	Narren	глупыми	Narren	fools
1:29 avaritia	covetousness	Geitzes	жадности С	Gier	greed
2:4 contemnis	despisest	verachtestu	пренебрега- ешь	betrachtest	show contempt
2:4 poenitentiam	repentance	Busse	покаянию	Umkehr	repentance
2:7 gloria	praise	Preis	славы	Ehre	glory
2:29 laus	praise	Lob	похвала	Lob	praise
3:12 inutiles	unprofitable	untüchtig	негодны	keinen gebrauchen	worthless
3:21 manifestata manifesta	declared	offenbaret	открывает	sichtbar werden lassen	made known
3:22/23 distinctio	difference	unterschied	различия	Unterschied	difference
Латинское, английское и немецкое слова этимологически связаны					
6:21 fructum	fruit	Frucht	пользу	Gewinn	benefit
1:27 naturalem	natural	natürlichen	естествен- ных	natürlichen	natural
2:1 condemnas	condemnest	verdamstu	осуждаешь	verurteilst	condem- ning
2:21 praedicas	preachest	predigest	научишь	predigst	preach
3:8 damnatio	damnation	verdamnis	осуждения	Gottes Gericht	condem- nation
Английское и немецкое слова имеют гер- манское или неизвестное происхождение					
8:28 vocatus	called	beruffen	призвал	berufen	called
1:1 segregatus	(put) apart	ausgesondert	избранный	bestimmt	(set) apart
1:7 dilectis	beloved	liebsten	любимым	geliebt	loved
1:9 testis	witness	Zeuge	свидетелем С	Zeuge	witness
1:11 confirman- dos/confirmemini	strengthen	stercken	укреплены	gestärkt	make strong
8:12 fratris	brethren	Brüder	братья	Geschwister	brothers

6:8 credenti	believe	glauben	верим	vertrauen	believe
1:17 justicia	righteousness	Gerechtigkeit	праведность	Gerechtigkeit	righteousness
11:26 impietatem	ungodliness	gottloses	нечестие	Gottlosigkeit	godlessness
1:18 iniustitiam / injustitiam	unrighteousness	ungerechtigkeit	несправедливость	Ungerechtigkeit	wickedness
1:18 veritatem	truth	Wahrheit	истину С	Wahrheit	truth
1:20 divinitas	Godhead	Gottheit	качества Бога	göttliches Wesen	divine nature
1:20 intellecta / intelliguntur	understood	warnimpt	поняты	ein sichtbarer Hinweis	understood
1:24 immunditiam	uncleanness	unreinigkeit	нечистотой	Unsittlichkeit	impurity
1:25 mendacium / mendatio	lie	Lügen	ложь	Lüge	lie
1:26 tradidit illos/eos	gave them up	dahin gegeben	оставил их	preisgegeben	gave them over
1:27 similiter	likewise	Desselbigengleichen	тоже	genauso	in the same way
1:27 exarserunt	burned	erhitzt	разжигаться	gepackt	inflamed
1:29 sussurones	whisperers	Ohrenbleser	сплетен	reden abfällig	whisperers
1:32 digni	worthy	wirdig	достойны	verdienen	deserve
2:19 tenebris	darkness	finsternis	тьме	Finsternis	dark
2:21 furaris	stealest	stolest	крадешь	stiehlst	steal
2:28 manifesto	outward	auswendig	выглядит	nach außen hin	outward
3:3 incredulitas	unbelief	unglaube	неверность	Untreue	lack of faith
3:7 peccator	sinner	Sünder	грешник	Sünder	sinner
3:11 intelligens / intelligat	understandeth	verstendig	понимает	klug	understands
3:18 timor	fear	furcht	боятся	Ehrfurcht	fear
Английское слово имеет германское происхождение, немецкое слово имеет латинское происхождение					
3:4 mendax	liars	falsch	лжив	Lügner	liar

А.Лутц делает вывод, что перевод Лютера содержит сравнительно мало заимствований из латыни, в то время как перевод Тиндейла полон латинизмов. Поскольку оба автора ориентировались на разговорный язык, можно заключить, что в XVI в. разговорный английский уже был смешанным языком, в то время как немецкий оставался относительно близким к прото-германскому по данному параметру (количеству заимствованной из латыни лексики).

Наше сравнение старого и нового перевода Библий на немецкий демонстрирует, что общая картина практически не изменилась. Есть случаи замены иностранных слов немецкими (*Frucht* > *Gewinn*), но есть и обратные (*Buchstaben* > *Text*, *erhitzt* > *gepackt*). Английские переводы тоже не

позволяют выявить каких-то явных тенденций. В одних случаях германские слова, имеющие древнеанглийские корни, заменяются иностранными: *burned* > *inflamed* (фр.-лат.), *worthy* > *deserve* (фр.-лат.), *uncleanness* > *impurity* (фр.-лат.), *unbelief* > *lack of faith* (фр.-лат.), *Godhead* > *divine nature* (фр.-лат.). Есть и обратные примеры: *verity* > *truthfulness*, *spirit* > *heart*, *debtor* > *bound*, *declared* > *made known*. Примеры *unprofitable* > *worthless*, *covetousness* > *greed* учитывать невозможно, т.к. происхождение слов *worth* и *greed* неизвестно. Есть, наконец, случаи типа *letter* > *(written) code*, *praise* > *glory*, *the just* > *the righteous* (гибрид), *manifest* > *plain*, *fruit* > *benefit*, когда одно иностранное слово или гибрид сменилось другим.

Таким образом, английский язык остался относительно смешанным, если сравнивать его с немецким. Как видно по русским эквивалентам, среди проверенных слов вообще нет латинизмов, как и заимствований из прочих языков, кроме пяти церковнославянизмов. Соответственно, русский язык нельзя назвать смешанным, по крайней мере если учитывать количество латинизмов. Надёжными такие подсчёты, на наш взгляд, однако, назвать нельзя, т.к., во-первых, А.Лутц учитывались заимствования только из одного языка, а во-вторых, принципы сопоставления переводов Библии, избранные Лутц, вызывают некоторые сомнения (она, например, в некоторых случаях сопоставляет прилагательные с существительными и глаголами вместо того, чтобы сопоставлять одну часть речи). Непонятно и то, по каким принципам отбирались сопоставляемые ею слова и почему игнорировались другие.

Чтобы проверить результаты предыдущего исследования на материале заимствований из всех языков, т.е. не только из латыни, мы провели дополнительные подсчёты по другой книге Нового Завета – «Первого послания коринфянам». Отбирались только те существительные, которые передавались существительными во всех проверенных версиях Библии. Подсчёты производились по следующим изданиям: немецкий – *Neue Genfer Übersetzung*, русский – синодальный перевод («Рус. 1» в таблице) и *New International Version* («Рус. 2»), английский – *New International Version*, украинский – *Новітній переклад українською літературною мовою*, 1991-2006 (Олександр Гіжа). Кальки причислялись к заимствованиям. Были проверены первые 100 существительных. Все переводы, кроме синодального (XIX в.), сделаны во второй половине XX в. Во многих случаях не совсем ясно, заимствованием из какого языка считать то или иное слово (например, галлицизмом или пришедшим через французский латинизмом). Нас, однако, интересует, в первую очередь, заимствование ли это или нет, а не галлицизм ли это или латинизм.

Таб. 3. Сопоставление русской, английской, немецкой и украинской версий «Первого послания коринфянам»: исконная и заимствованная лексика				
ф. – французский, л. – латынь, г. – греческий, с. – старославянский, поль. – польский, герм. – германское, кельт. – кельтское				
Рус. 1	Рус. 2	Укр.	Нем.	Англ.
1:1 Апостол с.-г.	апостолом с.-г.	Апостол с.-г.	Apostel л.-г.	apostle л.-г.-ф.
1:1 Божией	Божьей	Божюю	Gott	God

1:1 брат	брата	брат	Bruder	brother
1:2 имя	имени	ймення	Namen	name
1:3 благодать с.	благодать с.	благодать с.	Gnade	grace л.-ф.
1:3 мир	мир	мир	Frieden	peace л.-ф.
1:3 Отца	Отца	Вітця	Vater	Father
1:3 Господа	Господа	Господа	Herrn	Lord
1:5 познанием	познании	пізнанням	Erkenntnis	knowledge
1:6 свидетельство с.	свидетельство с.	свідчення	Botschaft	testimony л.-ф.
1:7 даровании	даре	даруванні	Gaben	gift
1:8 конца	конца	кінця	Ziel	end
1:8 день	день	день	Tag	day
1:9 Сына	Сыном	Сином	Sohn	Son
1:10 разделений	разделений	поділів	Spaltungen	divisions л.-ф.
1:11 споры	спорах	суперечки	Streitigkeiten	quarrels л.-ф.
1:17 креста л.	крест л.	хреста л.	Kreuz л.	cross л.
1:18 сила	сила	сила	Kraft	power л.-ф.
1:18 юродство	глупость	юродство	Unsinniges	foolishness л.-ф.
1:18 слово	весть	слово	Botschaft	message ф.
1:19 мудрость	мудрствования	мудрість	Weisheit	wisdom
1:19 разум с.	ум	розум с.	Klugheit	intelligence л.-ф.
1:20 книжник	ученый	книжник	Gebildeten	scholar л.-ф.
1:20 совопросник	философы г.	дослідник	Vordenkern	philosopher л.-г.-ф.
1:20 мира	мира	світу	Welt	world
1:30 праведностью	праведностью	праведністю	Gerechtigkeit	righteousness
2:4 духа	Духа	Духа	Geist	Spirit л.-ф.
2:4 словах	словами	словах	Worte	words
2:6 властей с.	владельцев с.	володарів с.	Herrscher	rulers л.-ф.
2:6 века	мира	віку	Welt	age л.-ф.
2:9 глаз	глаз	око	Auge	eye
2:9 ухо	ухо	вухо	Ohr	ear
2:11 человек	человека	людей	Menschen	men
3:2 молоком	молоком	молоком	Milch	milk
3:2 пищею с.	пищей	їжею	Nahrung	food
3:3 зависть	зависть	зздрість	Rivalität л.-ф.	jealousy л.-г.-ф.
3:5 служители	служители	служники	Diener	servants ф.
3:8 труда	труда	працю	Einsatz	labour л.-ф.
3:9 нива	поле	нива	Ackerfeld	field
3:9 строение	строение	споруда	Bauwerk	building
3:10 строитель	строитель	будівничий	Bauleiter	builder
3:10 основание	основание	основу	Fundament л.	foundation л.-ф.
3:12 золота	золота	золота	Gold	gold
3:12 серебра	серебра	срібла	Silber	silver
3:12 камней	камней	каміння	(Edel)steinen	stones
3:12 дерева	дерева	дерева	Holz	wood
3:12 сена	сена	сіна	Schilfrohr	hay
3:12 соломы	соломы	солами	Stroh	straw
3:13 огне	огнем	вогні	Feuer	fire
3:13 дело	работы	справу	Werk	work

Некоторые реликты активного строя...

3:16 храм	храм	храм	Tempel л.	temple л.-ф.
3:19 лукавстве	лукавстве	лукавстві	Schlaueit	craftiness
3:20 умствования	мысли	розумування с.	Überlegungen	thoughts
3:22 жизнь	жизнь	життя	Leben	life
3:22 смерть	смерть	смерть	Tod	death
3:22 настоящее	настоящее	теперішнє	Gegenwart	present л.-ф.
3:22 будущее	будущее	прийдешнє	Zukunft	future л.-ф.
4:5 похвала	похвалу	похвала	Anerkennung	praise л.-ф.
4:9 позорищем	зрелищем	ганьбою	Schauspiel	spectacle л.-ф.
4:9 Ангелов л.	ангелов л.	Ангелів л.	Engel л.	angels л.
4:13 сор	мусор	сміття	Abfall	scum
4:13 прах с.	отбросы	порох с.	Abschaum	refuse л.-ф.
4:14 детей	детей	дітей	Kinder	children
4:15 наставников	учителей	наставників	Erziehern	guardians ф.
4:17 церкви г.	церкви г.	церкви г.	Gemeinde	church г.
4:20 Царство л.	Царство л.	Царство л.	Reich кельт.	kingdom
4:21 жезлом	палкой	жезлом	Stock	whip
5:1 блудодеяние	распутства	блудодіяння	Unmoral л.-ф.	immorality л.-ф.
5:5 плоти	тело	плоті	Leib	body
5:6 закваска	дрожжей	закваски	Sauerteig	yeast
5:6 тесто	тесто	тісто	Teig	dough
5:8 порока	порочности	облуди	Bosheit	malice л.
5:8 лукавства	зла	лукавства	Schlechtigkeit	wickedness
5:8 чистоты	чистоты	чистоти	Reinheit	sincerity л.
5:8 истины	истины	істини	Wahrheit	truth
5:8 опресноками	хлебом герм.?	опрісноками	Brot	bread
5:9 послании	письме	посланні	Brief л.	letter л.-ф.
6:1 дело	спорах	справу	Streit	dispute л.-ф.
6:5 стыду	позор	сором	Schande	shame
6:13 чрева с.	желудка	черева с.	Magen	stomach л.-ф.
6:15 блудницы	проститутке л.-ф.	перелобниці с.	Prostituierten л.-ф.	prostitute л.
6:18 грех	грехи	гріх	Sünden	sins
6:20 ценою	ценой	ціну	Preis л.-ф.	price л.-ф.
7:1 женщины	женщине	жінки	Frau	woman
7:2 мужу	мужем	чоловіка	Mann	husband
7:2 жена	женой	дружину	Frau	wife
7:5 молитве	молитве	молитвою	Gebet	prayer л.-ф.
7:6 позволение поль.	совет с.	порада	Zugeständnis	concession л.-ф.
7:6 повеление	повеление	наказ	Vorschrift	command л.-ф.
7:21 раб	рабом	рабом	Sklave л.	slave л.-ф.
7:26 нужде с.	обстоятельствах л.	утиски	Lage	crisis л.-г.
7:28 скорби	трудности	страждання	Belastungen	troubles л.-ф.
7:32 забот	заботы	турбот поль.	Sorgen	concern л.-ф.
7:40 совету с.	мнению	пораду	Meinung	judgment л.-ф.
8:1 любовь	любовь	любов	Liebe	love
8:4 идол с.-г.	идолы с.-г.	ідол с.-г.	Götzen	idol л.-г.-ф.
8:5 небе	небе	небі	Himmel	heaven

8:5 земле	земле	землі	Erde	earth
8:7 совестью с.-г.	совесть с.-г.	совість с.-г.	Gewissen л.	conscience л.-ф.
9:1 печать	дело	справа	Ergebnis	result л.

Из ста проверенных существительных в старом (синодальном) русском переводе встретилось 17 заимствований, в новом – 15, в переводе на украинский – 14, в переводе на немецкий – 12, в переводе на английский – 48. Таким образом, английский явно лидирует по количеству заимствований, что позитивно коррелирует со степенью его аналитичности и номинативности. Значительная разница в результатах демонстрирует, что этот разрыв не может быть случайностью. Что касается немецкого, то малочисленность заимствований в переводе по сравнению с русским и украинским представляется довольно неожиданной. Возможно, речь идёт о совпадении, поскольку наши подсчёты по значительно более репрезентативной выборке 500 существительных продемонстрировали промежуточную степень языкового смешения немецкого по сравнению с русским и английским [Зарецкий 2008]. Степень смешения украинского и русского примерно одинакова. Таким образом, можно сделать вывод, что английский язык, значительно более анализируемый (отсюда склонность к жёсткому порядку слов SVO) и номинативизированный, чем русский, украинский и немецкий, обладает значительно более смешанным лексическим составом, чем эти три языка. Можно предположить (по крайней мере, для индоевропейских языков) причинно-следственную связь между интенсивностью языковых контактов и степенью перехода от синтеза к анализу, а также от максимумов активного строя к максимумам номинативного.

Перед тем как перейти к описанию возможных характеристик активного строя в индоевропейских языках, рассмотрим вкратце язык другой семьи – нахско-дагестанской [ср. Климов 1977: 47]. Этот язык называется бацбийским или цова-тушинским. В бацбийском черты активного строя до сих пор выражены особенно ярко. В упрощённом изложении, субъекты непереходных глаголов, обозначающих состояние, и объекты при глаголах действия ставятся в именительном падеже, т.е. в форме чистой основы имени; субъект при глаголе активного действия стоит в активном падеже [Дешериев 1953: 62-63]. Всего Ю.Д.Дешериев перечисляет 22 падежа, что чрезвычайно много для активного языка, но замечает, что все косвенные падежи, кроме активного (эргативного), произошли от родительного, и даже аффикс самого родительного падежа раньше представлял собой отдельное слово (возможно, послелог). Таким образом, бацбийский язык пошёл по тому же пути, по которому идут почти все языки с порядком слов SOV – из-за слияния с послелогом, частицами и абстрактными существительными, стоящими после знаменательных имён, они рано или поздно развивают обширную систему флексий.

Обычно в активных языках глаголы делятся на активные (глаголы действия) и стативные (глаголы состояния), причём активные субъекты употребляются с глаголами действия (в качестве производителей действия, режиссёров – объектов действия), а стативные существительные чаще являются объектом действия или пассивным субъектом при глаголах состояния.

Примеры из бацбийского: *Сандрос атами циемоодо* ‘Сандро персики (им.п.) чистит’ – здесь в именительном (пассивном) падеже стоит объект действия, *Со ва исехь* ‘Я (им. п.) [есть] здесь’ – здесь в том же пассивном падеже стоит субъект состояния, *Вирев барг цо хьо, цо тухчохахь* ‘Осёл (акт. п.) вещей не несёт, если не ударят (его)’ – здесь в активном (эргативном) падеже стоит субъект действия [Дешериев 1953: 70]. Возможны также дативные субъекты, сопоставимые с оформлением актантов при *verba sentiendi* в активных языках: *Окхуин леа Москкови вах̄* ‘Ему хочется в Москву ехать’. Принципы активного строя уже явно замутнены, т.к. Дешериев приводит примеры и именительного падежа при глаголах действия (если быть точными – именительного падежа субъекта, выраженного именем, личным местоимением 3-го л. ед.ч. и мн. ч. при всех непереходных глаголах), и неодушевлённых субъектов при глаголах действия.²

К глаголам действия в бацбийском языке относятся «глаголы, выражающие движение, активное проявление воли, чувств действующего лица, а также все глаголы, требующие прямого объекта, на который направлено действие, который испытывает действие, производимое агенсом, активно действующим лицом» [Дешериев 1953: 79]. П.М.Аркадьев приводит следующие примеры глаголов с «эргативными» (в нашей терминологии – активными) субъектами: *dat'ar* ‘бежать’, *daxar* ‘идти’, *eq:ar* ‘прыгать’, *dadar* ‘клясться’, *axar* ‘лаять’, *lavar* ‘говорить’, *darc'dalar* ‘раздеваться’, *da:xar* ‘жить’, *lap'c'ar* ‘играть’ [Arkadiev 2008: 108]. Глаголы состояния выражают пассивное состояние предмета или лица. Аркадьев приводит следующие примеры глаголов с «номинативными» (в нашей терминологии – пациентивными) субъектами: *maicdar* ‘быть голодным’, *qerl'ar* ‘бояться’, *dah"yordar* ‘мёрзнуть’, *daq'dalar* ‘сохнуть’, *mildar* ‘быть холодным’ [Arkadiev 2008: 107]. Поскольку бацбийский язык в значительной мере номинативизирован, в нём присутствуют и переходные, и непереходные глаголы, но наличие в остаточном виде лабильных глаголов типа *δ-уци* ‘наполняй, наполняйся, насыщай, будь сытым’ свидетельствует об отсутствии категории транзитивности на более раннем этапе развития (аналогичные примеры можно найти и во многих древних индоевропейских языках, Т.Я.Елизаренкова приводит соответствующие примеры из ведийского языка [Елизаренкова 1982: 50-51]). Лабильные глаголы, не знающие ещё категории переходности, типичны для активных языков и встречаются в

² Следует обратить внимание на некоторую путаницу, нередко возникающую при описании активных и эргативных языков, а также языков переходного типа. Именительным падежом некоторые авторы именуют либо тот падеж, который станет со временем именительным в процессе номинативизации, но на данный момент являющийся активным или эргативным. С другой стороны, именительным падежом называют немаркированный падеж, в т.ч. падеж объекта действия. Таким образом, именительным в терминологии различных авторов может называться любой падеж актанта (субъекта и объекта) при переходных и непереходных или же при активных и стативных глаголах. В данной работе мы используем термин «именительный падеж» только по отношению к номинативным языкам. Ю.Д.Дешериев, на которого мы ссылаемся при описании бацбийского языка, называет именительным, очевидно, немаркированный падеж.

качестве реликта в некоторых номинативных и эргативных языках. В бацбийском имеется также группа глаголов чувственного восприятия, типичная для активных и эргативных языков: *хай* ‘знать’, *в-еций* ‘любить, хотеть’. Из такой группы возникли, возможно, и многие безличные конструкции индоевропейских языков.

Как и в других активных языках, у бацбийских глаголов нет окончаний третьего лица [Дешериев 1953: 85]. Страдательный залог отсутствует [Дешериев 1953: 91], что типично для SOV-языков [Lehmann 1993: 166], к которым принадлежат обычно активные. Некоторые глаголы могут употребляться с пассивным или активным падежом в зависимости от степени активности субъекта в данной ситуации: *коттлар* ‘беспокоиться, скучать’: *Со коттол* (им. п.) ‘Я беспокоюсь [пассивно, не по своему желанию]’, *Ас коттлас* (акт. п.) ‘Я беспокоюсь [активно, по своей вине]’ [Дешериев 1953: 226; Климов 1977: 75]. Аналогично оформляются глаголы *дуциар* ‘наполняться, насыщаться’, *кхерльар* ‘бояться’, *вишиар* ‘ложиться, лежать’, *кхетар* ‘удариться’, *дахъвахар* ‘пьянеть’. Примеры Аркадзева: *derc'ar* ‘превращаться’, *xarcdalar* ‘меняться’, *dožar* ‘падать’, *qac'ar* ‘висеть’, *ga=rek'adalar* ‘бежать’ (пациентивный субъект подразумевает, что человек бежит вопреки своей воле, напр. по слишком крутому спуску), *dah"davar* ‘умирать’ (агентивный субъект подразумевает, что человек либо убил себя, либо не противился своей смерти, хотя и мог её предотвратить) [Arkadiev 2008: 108]. Неясно, возможно ли было в индоевропейском праязыке альтернативное использование активного и пассивного падежей субъекта для маркировки степени волитивности при одних и тех же глаголах. Хотя в русском, исландском и некоторых других языках пары типа *Я не сплю* – *Мне не спится* присутствуют, нам не известны работы, в которых данная характеристика реконструировалась бы и для праязыка.

Таким образом, в случае бацбийского языка мы можем наблюдать примерно те же характеристики, что и в позднем индоевропейском: смешение парадигм активного и номинативного строя, значительное увеличение числа флексий (и, соответственно, падежей), возникновение генитива раньше других косвенных падежей, лабильные глаголы. Примечательно также, что в бацбийском ещё сохранился порядок слов SOV, а глагол-связка ‘быть’ опускается – характеристики активного строя, исчезнувшие в большинстве современных индоевропейских языков, но реконструируемые для праязыка. С другой стороны, как в индоевропейских языках, так и в бацбийском допускается использование субъектов с неодушевленными денотатами при глаголах действия, что свидетельствует об отходе от принципов активного строя (в активных языках использование субъектов с неодушевленными и пассивными денотатами при таких глаголах обычно затруднено).

В дальнейшем будут рассмотрены некоторые возможные реликты активного строя в индоевропейском праязыке: маркированный падеж активного субъекта, отсутствие пассива, деление глаголов на активные и стативные, инклюзивные и эксклюзивные формы местоимений, отсутствие глагола ‘иметь’ (для выражения принадлежности), малочисленность прилагательных в праязыке, супплетивность форм глаголов единственного и

множественного числа, некоторые фреквенталии порядка слов SOV (послелоги, место отрицания в предложении и др.), элизия глагола-связки 'быть', безличные конструкции, категория одушевлённости и др.

Как известно, в индоевропейском праязыке именительный падеж был маркированным, т.е. получал специальное окончание (в отличие от современных индоевропейских языков, в которых как раз именительный падеж является наименее маркированным и, соответственно, не получает окончания): существительные с одушевлёнными денотатами получали преимущественно окончание *-s* в ед. ч., существительные с неодушевлёнными денотатами получали нулевое окончание (более архаичные) или *-m* (менее архаичные), причём те же окончания употреблялись и в аккузативе, т.е. формы номинатива и аккузатива были идентичны [Quiles 2007: 119-120; ср. Климов 1977: 20]. Существительные с одушевлёнными денотатами также получали в аккузативе окончание *-m*. Окончание активного падежа *-s* сохранялось ещё в прото-германском в той же форме (*fōts* 'нога'), окончание пассивного падежа *-m*, очевидно, приобрело форму *-un* (*fōtun* 'ногу') [Lehmann 2007]. Поскольку окончание *-m* у существительных с неодушевлёнными денотатами является относительно поздним, можно предположить, что первоначально падежная система выглядела так: номинатив одушевлённых существительных – *-s* (мы здесь используем термин «(не)одушевлённые существительные» для краткости вместо «существительные с (не)одушевлёнными денотатами»), аккузатив одушевлённых существительных – *-m*, аккузатив неодушевлённых существительных – нулевое окончание (ед. ч.); номинатива у неодушевлённых существительных первоначально быть не могло, т.к. субъектами активного действия выступали только существительные с одушевлёнными и/или активными денотатами. Следующая таблица должна продемонстрировать систему флексий позднего индоевропейского праязыка более наглядно:

Таб. 4. Примеры склонений существительных в позднем индоевропейском праязыке [Quiles 2007: 121-129].				
падеж	1-е склонение			
	ед. ч.		мн.ч.	
	Одуш.	Неодуш.		
номинатив	∅	∅	-s [<i><*-es</i>]	
аккузатив	-m		-ms	
вокатив	∅			
генитив	-s		-m	
датов	-i [<i><*ei</i>]		-bh(i)os (-mos)	
локатив	-i		-su/i	
инструменталь	∅, -bhi, (-mi)		-bhis (-mis)	
аблатив	-ād, (-s)		-bh(i)os (-mos)	
	2-е склонение			
	ед. ч.		мн.ч.	
	Одуш.	Неодуш.	Одуш.	Неодуш.
номинатив	-os	-om	-ōs [<i><*-oes</i>], (-oi)	
аккузатив	-om		-oms	
вокатив	-e		-ōs, (-oi)	
				-ā

генитив	-os, -os(i)o, (-ī)	-ōm, (-ēm)	
датель	-ōi [<*oei]	-obh(i)os, (-omos)	
локатив	-ei/-oi	-oisu/i	
инструменталь	-ē/-ō	-ōis	
аблатив	-ēd/-ōd	-obh(i)os, (-omos)	
	3-е склонение		
	Одуш.	Неодуш.	Одуш.
номинатив	-s	∅	-es
аккузатив	-m		-ms
вокатив	∅		-es
			-ā
генитив	-s	-ōm, (-ēm)	
датель	-ei	-bh(i)os, (-mos)	
локатив	-∅, -i	-su/i	
инструменталь	-ī/-ū, (-bhi)	-bhis, (-mis)	
аблатив	-s	-bh(i)os, (-mos)	

Существительные, как уже стало ясно из этого обзора, делились первоначально не на мужской, средний и женский род, а на характерные для активных языков классы одушевлённых/ активных и неодушевлённых/ инактивных [Quiles 2007: 138; Lehmann 1993: 216]. Обозначение «активные/ инактивные» предпочтительнее, т.к. к активным относились и некоторые неодушевлённые предметы или явления, если они могли видоизменяться, двигаться, что-то совершать (например, явления природы, светила). Денотаты активных существительных были типичными производителями действия, денотаты инактивных – типичными объектами действия. Активными обозначались наружные органы и деревья, инактивными – внутренние органы и плоды. Флексия *-s* маркировала активность, отсутствие флексии в аккумуляте инактивных существительных маркировало отсутствие активности. При необходимости употребить активное существительное в нетипичной для него позиции объекта действия употреблялось альтернативное окончание, отграничивавшее его от стандартных (неодушевлённых) объектов действия. Этим окончанием было *-m*, постепенно перешедшее и к инактивным существительным в период номинативизации. Примеры маркировки падежей в активных языках будут приведены в следующих частях данной работы, здесь же только отметим, что флексивная парадигма позднего индоевропейского праязыка вполне сопоставима с парадигмами позднеактивных (номинативизирующихся) языков. Более ранняя парадигма с её двумя-тремя падежами (активным, инактивным и, возможно, генитивом) является типичной для активных языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Aldai 2008 – Aldai G. From ergative case marking to semantic case marking: the case of historical Basque // *The Typology of Semantic Alignment*. Oxford, 2008.
- Andréasson 2001 – Andréasson D. *Active Languages*. Stockholm University. Thesis for the degree of Bachelor of Arts in General Linguistics, 2001.

- Arkadiev 2008 – *Arkadiev M.P.* Thematic roles, event structure, and argument encoding in semantically aligned languages // *The Typology of Semantic Alignment*. Oxford, 2008.
- Greenberg et al. 1968 – *Greenberg J. et al.* Universals of language. 2. ed. Cambridge, 1968.
- Havas 2008 – *Havas F.* Unmarked Object in the Uralic Languages. A Diachronic Typological Approach // *Linguistica Uralica XLIV (2008)*, Heft 1.
- Hoad T.F. *The Concise Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford, 1996.
- Klamer 2008 – *Klamer M.* The semantics of semantic alignment in eastern Indonesia // *The Typology of Semantic Alignment*. Oxford, 2008.
- Kluge F., Seebold E. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 24. Aufl. Berlin, 2002.
- Lehmann 1993 – *Lehmann W.P.* Theoretical Bases of Indo-European Linguistics. London, 1993.
- Lehmann 2007 – *Lehmann W.P.* A Grammar of Proto-Germanic. University of Texas at Austin, 2007, <http://www.utexas.edu/cola/centers/lrc/books/pgmc00.html>
- Lutz 2002 – *Lutz A.* Sprachmischung in der deutschen und englischen Wortbildung // *Historische Wortbildung im Deutschen*. Tübingen, 2002.
- Mithun 1999 – *Mithun M.* The Languages of Native North America. Cambridge, 1999.
- Mithun 2008 – *Mithun M.* The emergence of agentive systems in core argument marking // *The Typology of Semantic Alignment*. Oxford, 2008.
- Nichols 2008 – *Nichols J.* Why are stative-active languages rare in Eurasia? A typological perspective on split-subject marking // *The Typology of Semantic Alignment*. Oxford, 2008.
- Quiles 2007 – *Quiles C.* A Grammar of Modern Indo-European: Language & Culture, Writing System & Phonology, Morphology and Syntax. Indo-European Language Association, 2007.
- Riggs 1893 – *Riggs S.* Dakota Grammar, Texts, and Ethnography. Washington, 1893.
- Rudnyc'kyj J.* An Etymological Dictionary of the Ukrainian Language. Ottawa, 1982.
- Sapir 1990 – *Sapir E.* The collected works of Edward Sapir. Vol. 5. Berlin, 1990.
- Wichmann 2007 – *Wichmann S.* Valency-reduction in event-oriented languages // *Studies in Voice and Transitivity*. München, 2007.
- Wichmann 2008 – *Wichmann S.* The study of semantic alignment: retrospect and state of the art // *The Typology of Semantic Alignment*. Oxford, 2008.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1. Тбилиси, 1984.
- Дешериев 1953 – *Дешериев Ю.Д.* Бацбийский язык: Фонетика, морфология, синтаксис, лексика. М., 1953.
- Елизаренкова 1982 – *Елизаренкова Т.Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982.
- Зарецкий 2008 – *Зарецкий Е.В.* Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с англий-

- ским и другими индоевропейскими языками). Астрахань, 2008 (в печати).
- Климов 1977 – *Климов Г.А.* Типология языков активного строя. М., 1977.
- Крылов Г.А.* Этимологический словарь русского языка. СПб., 2005.
- Мельничук О.С.* Етимологічний словник української мови. К., 1982-2006.
- Ремнева 2004 – *Ремнева М.Л.* Старославянский язык: Учебное пособие. 2-е изд. М., 2004.
- Цыганенко Г.П.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. К., 1989.
- Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999.